

М. А. Горький

Мещане

Сцены в доме Бессемёнова

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г71

Г71 **Горький М.**
Мещане: Сцены в доме Бессемёнова / М. А. Горький – М.: Книга по Требова-
нию, 2021. – 176 с.

ISBN 978-5-517-96649-0

Драматический эскиз в 4 актах.

Издание третье.

ISBN 978-5-517-96649-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Мъцане.

А К Т Ъ П Е Р В Ы Й.

*Вечеръ, около пяти часовъ. Въ окна смотритъ осен-
ний сумракъ. Въ большой комнатѣ—почти темно.
Татьяна, полулежа на кушеткѣ, читаетъ книгу. Поля
у стола—шьетъ.*

ТАТЬЯНА (*читаетъ*).

«Взошла луна. И было странно видѣть, что отъ нея, такой маленькой и грустной, на землю такъ много льется серебристо-голубого, ласковаго свѣта»... (*Бросаетъ книгу на колѣни*).—Темно.

ПОЛЯ.

Зажечь лампу?

ТАТЬЯНА.

Не надо! Я устала читать...

ПОЛЯ.

Какъ это хорошо написано! Просто такъ... и грустно... за душу беретъ... (*Пауза*). Ужасно хочется знать—какой конецъ? поженятся они—или нѣтъ?

ТАТЬЯНА (*съ досадой*).

Не въ этомъ дѣло...

ПОЛЯ.

А я бы такого не полюбила... нѣтъ!

ТАТЬЯНА.

Почему?

ПОЛЯ.

Скучный онъ... И все жалуется... Неувѣренный, потому что... Мужчина долженъ знать, что ему нужно дѣлать въ жизни...

ТАТЬЯНА (*не громко*).

А... Ниль—знаеть?

ПОЛЯ (*увѣренно*).

Онъ знаетъ!

ТАТЬЯНА.

Что же?

ПОЛЯ.

Я... не могу вамъ этого рассказать... такъ просто, какъ онъ говоритъ... Но только дурнымъ людямъ... злымъ и жаднымъ—плохо будетъ отъ него! Не любить онъ ихъ.

ТАТЬЯНА.

Кто—дурень? И кто—хорошъ?

ПОЛЯ.

Онъ знаетъ!.. (*Татьяна молчитъ, не глядя на Полю. Поля улыбаясь беретъ книгу съ ея колынь*). Хорошо это написано! Она очень ужъ привлекательная... такая прямая, простая, душевная! Вотъ какъ видишь женщину-то, въ миломъ образѣ описанную, такъ и сама себѣ лучше кажешься...

ТАТЬЯНА.

Какая наивная... смѣшная ты, Поля... А меня раздражаетъ вся эта исторія! Не было такой дѣвушки! И усадьбы, и рѣки, и луны, ничего такого не было! Все это выдуманно. И всегда въ книгахъ описываютъ жизнь не такой, какая она на самомъ дѣлѣ... у насъ, у тебя, напимѣрь...

ПОЛЯ.

Пишутъ про интересное. А въ нашей жизни—какой интересъ?

ТАТЬЯНА

(не слушая, съ раздраженіемъ).

Мнѣ часто кажется, что книги пишутъ люди... которые не любятъ меня и... всегда спорять со мной. Какъ будто они говорятъ мнѣ: это лучше, чѣмъ ты думаешь, а вотъ это—хуже...

ПОЛЯ.

А я думаю, что всѣ писатели непременно добрые... Посмотрѣла бы я на писателя!..

ТАТЬЯНА

(какъ бы сама съ собою).

Дурное и тяжелое они изображаютъ не такъ, какъ я его вижу... а какъ-то особенно... болѣе крупно... въ трагическомъ тонѣ. А хорошее они выдумываютъ. Никто не объясняется въ любви такъ, какъ объ этомъ пишутъ! И жизнь совсѣмъ не трагична... она течетъ тихо, однообразно... какъ большая, мутная рѣка. А когда смотришь, какъ течетъ рѣка, то глаза устаютъ, дѣлается скучно... голова тупѣетъ, и даже не хочется подумать, зачѣмъ рѣка течетъ?

ПОЛЯ

(задумчиво глядя предъ собою).

Нѣтъ, я бы посмотрѣла на писателя. Вы читали, а я нѣтъ-нѣтъ да и подумаю—какой онъ? Молодой? старый? брюнетъ?..

ТАТЬЯНА.

Кто?

ПОЛЯ.

Вотъ этотъ писатель...

ТАТЬЯНА.

Онъ умеръ...

ПОЛЯ.

Ахъ... жалко какъ! Давно? Молодой?

ТАТЬЯНА.

Среднихъ лѣтъ. Онъ пилъ водку...

ПОЛЯ.

Бѣдненькій... *(Пауза)*. И почему это — умные люди пьянствуютъ? Вотъ этотъ, нахлѣбникъ нашъ, пѣвчій... онъ вѣдь умный, а—пѣть... почему это?

ТАТЬЯНА.

Жить скучно...

ПЕТРЪ

(заспанный, выходитъ изъ своей комнаты).

Экал тьма. Кто это сидитъ?

ПОЛЯ.

Я... и Татьяна Васильевна...

ПЕТРЪ.

Что-жъ вы огонь не зажжете?

ПОЛЯ.

Мы сумерничаемъ...

ПЕТРЪ.

Въ мою комнату отъ стариковъ запахъ деревяннаго масла проходитъ... Должно быть, отъ этого во снѣ я видѣлъ, будто плыву по какой-то рѣкѣ, а вода въ ней густая, какъ деготь... Плыть тяжело... и я не знаю—куда надо плыть... и не вижу берега. Попадаются мнѣ какіе-то обломки, но когда я хватаюсь за нихъ, они разсыпаются въ прахъ... гнилые, трухлявые. Ерунда... *(Насвистывая, шагаетъ по комнатѣ)*. Пора бы чай пить...

ПОЛЯ *(зажигаетъ лампу)*.

Пойду, похлопочу... *(Уходитъ)*.

ПЕТРЬ.

По вечерамъ у насъ въ домѣ какъ-то особенно... тѣсно и утрумо. Всѣ эти допотопныя вещи какъ-бы выростають, становятся еще крупнѣе, тяжелѣе... и, вытѣсняя воздухъ, мѣшаютъ дышать. *(Стучитъ рукой въ шкафъ)*. Вотъ этотъ чуланъ восемнадцать лѣтъ стоитъ на одномъ мѣстѣ... восемнадцать лѣтъ... Говорять, жизнь быстро двигается впередъ... а вотъ шкафа этого она никуда не подвинула ни на вершокъ... Маленькій я не разъ разбивалъ себѣ лобъ объ его твердыню... и теперь онъ почему-то мѣшаетъ мнѣ. Дурацкая штука... Не шкафа, а какой-то символъ... чортъ бы его взял!

ТАТЬЯНА.

Какой ты скучный, Петръ... Тебѣ вредно жить такъ.

ПЕТРЬ.

Какъ это?

ТАТЬЯНА.

Ты нигдѣ не бываешь... Только на верху у Лены... каждый вечеръ. И это очень беспокоитъ стариковъ...

(Петръ, не отвѣчая, ходитъ и свищетъ).

Знаешь, я стала сильно уставать... Въ школѣ меня утомляетъ шумъ и беспорядокъ... здѣсь—тишина и порядокъ. Хотя у насъ стало веселѣе съ той поры, какъ переѣхала Лена. Да-а, я очень устаю! А до праздниковъ еще далеко... Ноябрь... Декабрь. *(Часы бьютъ шесть разъ)*.

ВЕЗСЪМЕНОВЪ

(высовывая голову изъ двери своей комнаты).

Засвистали козаченьки! Прошеніе-то, поди-ка, опять не написалъ?

ПЕТРЬ.

Написалъ, написалъ...

ВЕСЪМЕНОВЪ.

Насилу-то удосужился... эхе-хе! (*Скрывается*).

ТАТЬЯНА.

Какое это прошеніе?

ПЕТРЪ.

О взысканіи съ купца Сизова 17 р. 50 к. за окраску
крыши на сараѣ...

АКУЛИНА ИВАНОВНА

(*выходитъ съ лампой*).

А на дворѣ-то опять дождикъ пошелъ. (*Подходитъ
къ шкафу, достаетъ изъ него посуду и накрываетъ на
столъ*). Холодно у насъ чего-то. Топили, а холодно.
Старый домъ-то... продуваетъ... охо-хо! А отецъ-то, ре-
бятишки, опять сердитый... поясницу, говоритъ, ломитъ
у него. Тоже старый... а все неудачи, да непорядки...
расходы большіе... забота.

ТАТЬЯНА (*брату*).

Ты вчера у Лены сидѣлъ?..

ПЕТРЪ.

Да...

ТАТЬЯНА.

Весело было...

ПЕТРЪ.

Какъ всегда... пили чай, пѣли... спорили...

ТАТЬЯНА.

Кто съ кѣмъ?

ПЕТРЪ.

Я съ Ниломъ и Шишкинымъ.

ТАТЬЯНА.

По обыкновенію...

ПЕТРЪ.

Да. Нилъ восторгался процессомъ жизни... ужасно онъ раздражаетъ меня... проповѣдью бодрости, любви къ жизни... Смѣшно! Слушая его, начинаешь представлять себѣ эту никому неизвѣстную жизнь... чѣмъ-то вродѣ американской тетушки, которая вотъ-вотъ явится и осыплетъ тебя разными благами... А Шишкинъ проповѣдывалъ пользу молока и вредъ табака... да уличалъ меня въ буржуазномъ образѣ мыслей.

ТАТЬЯНА.

Все одно и то же...

ПЕТРЪ.

Да, по обыкновенію...

ТАТЬЯНА.

Тебѣ... очень нравится Лена?

ПЕТРЪ.

Н-ничего... она славная... веселая...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Вертушка она! Зряшная ея жизнь! Каждый Божій день гости у нея, чай да сахары... плясъ да пѣсня... а вотъ умывальника купить себѣ не можетъ! Изъ таза умывается, да на полъ воду хлещетъ... домъ-то гноить...

ТАТЬЯНА.

А я вчера была въ клубѣ... на семейномъ вечерѣ. Членъ городской управы Сомовъ, попечитель моей школы, едва кивнулъ мнѣ головой... да. А когда въ залъ вошла содержанка судьи Романова, онъ бросился къ ней, поклонился, какъ губернаторшѣ, и поцѣловалъ руку...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Экой безстыдникъ, а? Гдѣ бы взять честную дѣвушку подъ ручку, да уважить ее, поводить ее по залѣ-то вальжненько, на людяхъ-то...

ТАТЬЯНА *(брату)*.

Нѣтъ, ты подумай. Учительница, въ глазахъ этихъ людей, заслуживаетъ меньше вниманія, чѣмъ распутная, раскрашенная женщина...

ПЕТРЪ.

Не стоитъ замѣчать такихъ... пошлостей... Нужно ставить себя выше... А она хоть и распутная, но не красится...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Ты почему знаешь? Лизаль ей щеки-то? Сестру обидѣли, а онъ за обидчицу заступается...

ПЕТРЪ.

Мамаша! Будетъ вамъ...

ТАТЬЯНА.

Нѣтъ, при матери совершенно нельзя говорить... *(За дверью въ стѣнахъ слышны тяжелые шаги)*.

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Ну-ну! Окрысились... Ты бы, Петръ, чѣмъ шаги-то вышагивать, самоваръ втащилъ... а то Степанида жалуется—тяжело дескать...

СТЕПАНИДА

(выноситъ самоваръ, ставитъ его на полъ около стола и, выпрямившись, задыхаясь, говоритъ хозяйкѣ).

Ну, и какъ вамъ будетъ угодно, а только опять говорю—силъ моихъ нѣтъ лѣшаго этакого таскать,—ноженьки подламываются...